

и к мысу Гаттерас -
но горек был их рок.

Меня ж там поддержали,
и улетучились в финале
мои печали
о "Gotterdammerung"
(о "Гибели богов").
В каком-то комитете,
в Елизавета-сити,
опять сплетал я нити
своих стихов.
Всё то, что мог испечь
стреляло, как картечь.
Поэмы были
как оплетённые бутылки
(как фляги
хорошей браги)
с зарядами идей -
хоть уток бей,
хоть лебедей,
пугая Карритак.
Но не в сезон
стрелять был не резон,
чтоб не убить друг друга.
Все веселились просто так.
Я тоже принят был в кутёж
как молодой собрат.
Там все внимательно следили,
чтоб не вовлечь меня в разврат,
ни в старом, ни в новейшем стиле.
В том обществе, куда стал вхож,
оберегали молодёжь.
Там были все дружны,
сентиментальны и нежны,
и, если поднимался тост за мать,
то все могли погоревать.